

Сергей ЛазарянDOI: <https://doi.org/10.31648/apr.4882>

Пятигорский государственный университет

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-7118>

aflost@yandex.ru

Некоторые полицейские меры со стороны властей Российской империи в отношении уроженцев Царства Польского после Ноябрьского 1830 года и Январского 1863 года восстаний

Ноябрьское восстание 1830 года в Польше стало большой неожиданностью для имперских властей в России. В официальных кругах Петербурга нервно отреагировали на обстоятельства и причины польской «неблагодарности». Негодовал сам император Николай I. Он писал брату Константину: «(...) пока я жив, я не могу терпеть ни малейшей попытки сверх этого, направленной ко вреду империи (...)» [Полиевктов 2017, 125].

Среди дворянства обеих столиц (Москвы и Петербурга), а также в гвардии и армии многие были возмущены и оскорблены, считали поляков «гнусными изменниками» и рвались наказать вероломство. С этого времени само слово «поляк» в русском обществе сделалось синонимом слова «революционер», наполненное всеми связанными с ним негативными коннотациями [Олейников 2009, 325].

Антипольские настроения захватили даже часть либерального дворянства в России. Разжалованный в солдаты и сосланный на Кавказ декабрист А.А. Бестужев-Марлинский писал 5 января 1831 года в письме к матери из Дербента, что

был чрезвычайно огорчен и раздосадован известием об измене Варшавской. Как жаль, что мне не придется променять пень с панями добродезьями... Одно только замечу, что поляки никогда не будут искренними друзьями русских... хольте их, они оперятся опять нашими перьями и опять забушуют... Я знаю Польшу может быть лучше нежели многие из поляков, и предвижу много в ней смятений. Энтузиазм женщин и легкомыслие мужчин суть вечно тлеющие головни раздора [Семевский 1870, 505; Сабадаш 2015, 104–113].

Объясняя впоследствии сложившуюся атмосферу в российском общественном мнении, выявляя реакцию русских на события в Царстве Польском, Станислав Пигонь писал: «Пучина оскорбленной национальной гордости, раздраженного шовинизма поглотила и значительную часть русской интеллигенции, включая её элиту. Политика правительства достигла немаловажных успехов: она объединила народ эмоционально» [Хорев 2000, 102]. На это следует только заметить, что не только идеологическое изощрение русского правительства тому были виной, но сам ход, сами идеи и форма их воплощения в Польше, задевали и будоражили русское национальное сознание.

Однако это были эмоции, которых не умели сдерживать. Существо же проблемы заключалось не только в самих поляках, мечтавших о свободе и стремившихся восстановить свое былое историческое величие и место в европейской всемирности, из которой они были вырваны, сделавшись частью российско-византийской империи, которая для Европы всегда оставалась внешним смыслом инобытия, постоянной военной угрозой, «русской опасностью» с её варварским «скифским прошлым» [Дэвис 2010, 363].

Многое произрастало в самих русских, которые не умели понять, что, сохраняя в том или ином виде польское государство и предоставляя полякам те или иные возможности вне привычных для них исторических образов и ценностных ориентиров, сами провоцировали польские мечты и желание за них бороться. Там, где поляки оставались погруженными в европейскую парадигму повседневного существования (Австрия и Пруссия), даже девальвация права национального самоопределения и государственного суверенитета в рамках Великого Княжества Познаньского, не вызывала столь болезненного ощущения культурного сиротства и оторванности от исторического назначения, поскольку их политическая подчиненность не отрицала признания за поляками их места в европейской всемирности. Запад оставался для поляков «...землей обетованной, потерянным раем» [Дэвис 2010, 363].

Польша в составе Российской империи оказалась не только подчиненной иностранному государю, но «насиленно связанной с народами, которые отличались от неё религией, происхождением и интересами» [*История XIX века* 1938, 64]. Россия в польском шляхетском сознании представлялась как историческое зло, в котором даже добро служило злу, ибо зло добром пользовалось для утверждения своего господства и доминирования [Менцвель 2000, 45]. Дарование Александром I конституции в 1815 году и собиранье польских земель в Царстве Польском (Królestwo Polskie) для большинства нации не могли сделаться точкой соединения. Для этого необходимо было

осуществление общей мечты – восстановление прежнего независимого Польского Королевства [Смит 1863, 97].

Последовавший 1831 год стал годом «страшного расчета между Россией и Польшей, наложившего свою роковую печать на правительственные мероприятия последовавшего затем целого двадцатилетия» [Шильдер 2010, 391]. Кроме военно-силовых мер, направленных на непосредственное подавление участников Ноябрьского восстания в Польше, власти Российской империи применяли и другие способы замирения страны. После окончания военных действий польские национальные войска были упразднены. Сильно ограничивались права Униатской церкви, которая открыто поддерживала повстанцев.

Чтобы предотвратить возможность воспитания молодежи в польском национальном духе в 1831 г. был закрыт Варшавский университет. В 1832 г. закрыли польский университет в Вильно и вместо них в 1834 г. открыли университет Святого Владимира в Киеве, где преподавание велось на русском языке и где не было патриотически настроенных польских профессоров. По распоряжению имперских властей «польская молодежь, получившая образование за границей без разрешения на то правительства, не могла занимать государственных должностей» [Полиевктов 2017, 145].

Делопроизводство в Царстве Польском также стало производиться на русском языке. Были закрыты многие польские газеты и журналы. Вводилась самая суровая цензура. На страницах печатных органов запрещалось упоминание имен Адама Мицкевича, Зыгмунта Красиньского, Юлиуша Словацкого и всех других выразителей польской национальной идеи [Полиевктов 2017, 146]. В Северо-Западном крае предпринималась систематическая борьба по искоренению возможности существования и распространения духа «полонизма», под которым понимали польскую национальную традицию и польскую мечту о возрождении независимой государственности. Изгоняли главную его опору и носителей – польскую шляхту и католических священников.

Для контроля за общественной обстановкой в Царстве Польском важную роль придавали полицейской системе. Считалось, что эффективность полицейской практики заключалась в том, чтобы превентивно предотвращать какие-либо эксцессы. Но разделение функций полицейского надзора между несколькими параллельными структурами, произошедшее в правление императора Александра Павловича, не принесло желаемых в России результатов. В Царстве Польском и в губерниях Западного края, где проживало большинство поляков, постоянно осуществляло свою деятельность революционное и патриотическое подполье.

Несмотря на то, что в структурах тайной полиции отчетливо понимали, что контроль и знание существующего общественного мнения является первостепенным и значимым настолько, насколько имела значения «топографическая карта для полководца перед сражением» [Воронцов 2006, 127], результаты осуществляемых усилий были далеки от желаемого. Виною тому до 1830 года во многом был великий князь Константин Павлович, который не только скептически относился к представителям тайной полиции, но противился деятельности её представителей в польских воеводствах и поветах, управляя поляками по собственному разумению. Он же делал все для того, чтобы оценки, выводы и прогнозы тайной полиции, расходившиеся с официальной информацией наместника, не могли доходить до глаз императора, прежде его собственных посланий, искажавших существовавшую действительность в Царстве Польском. Николай I всегда оставался на стороне своего брата, которому был обязан своей короной.

Среди мер полицейско-охранительного характера, применявшихся после 1830 года против бывших польских повстанцев, были арест и содержание под стражей в крепостях и арестантских ротах; высылка с мест проживания во внутренние губернии империи под надзор полиции без права возвращения в места прежнего проживания под угрозой строго наказания. Были также осуществлены конфискации имущества (имений) главных «мятежников» и учреждены следственные комиссии, разбиравшие дела об участии в восстании по проскрипционным спискам. По указу о мелкопоместной шляхте, считавшейся в имперских кругах «вреднейшим сословием в польских губерниях», был произведен перевод мелкопоместных шляхетских семейств, не сумевших подтвердить свое шляхетское происхождение, в податные сословия – в однодворцы или городские обыватели [*«Россия под надзором»* 2006, 89].

Властями производилось упразднение так называемых некомплектных католических монастырей с целью уменьшения влияния католического духовенства в обществе, хотя эта мера произвела на умы жителей польских губерний сильное впечатление и вновь пробудила враждебные чувства, породив мысль о том, что «правительство имеет намерение вовсе уничтожить ... католицизм и что мера, ныне предпринятая, есть первый шаг к тому» [*«Россия под надзором»* 2006, 89].

Этой же цели служило решение церковного собора 1839 года о воссоединении Униатской и Православной церковью на территориях Малороссии и Белоруссии, а самые названия «Белоруссия» и «Литва» были запрещены правительственным указом в 1840 году. Дошло до того, что император стал

следить за брачными связями своих офицеров и выказывал им свое неудовольствие, если их избранницами становились польки [Николай I... 2000, 460].

Часть плененных участников восстания были включены в состав воинских гарнизонов, расквартированных в различных частях империи. Например, в 1-м отделении Черноморской береговой линии в войсках отбывали службу 731 человек выходцев из Царства Польского, не считая семей офицеров и нижних чинов [ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 34 об]. На Кавказ, где велись военные действия против местных горцев, после подавления восстания в течение 1831–1843 годов было выслано 22 156 человек [Цифанова 2005], а всего до середины 1850-х годов в составе Отдельного Кавказского корпуса находилось до 50 тысяч поляков [Медвенский 2014].

При прохождении службы в российских войсках численность поляков в каждом отдельном военном подразделении ограничивалась и не должна была превышать 20% личного состава подразделения. Для дворян Царства Польского, если те уклонялись от конскрипций (отбывания по рекрутской повинности в качестве нижних чинов в русской армии), при поимке, за каждый месяц укрывательства за границей добавляли по одному году службы к уже назначенным [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2899. Л. 1-6].

Плененные солдаты бывшей Польской армии большей частью отправлялись на Кавказ в действующую армию сроком на 15 лет, но в реальности время пребывания на службе этих людей продолжалось более указанного периода. Первые попытки провести отставки и возвращения в Польшу для тех, кто выжил и служил беспорочно, начались только в августе 1851 года, т. е. через 20 лет, после распоряжения императора Николая. Однако такие попытки закончились неудачей, поскольку наместник Кавказа (из-за нехватки квалифицированных кадров в крае), добился отмены отставок в бессрочный отпуск нижних чинов ранее двадцатипятилетней выслуги [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 1].

Активно противодействовали военные и полицейские власти польским эмиссарам и легионерам, направлявшимся через Турцию на Северный Кавказ для совместной борьбы против русских в союзе с непримиримыми к России горцами. Российскими агентами отслеживались и пресекались всеми способами попытки польских патриотов установить контакты с имамом Шамиля [Клычников, Лазарян 2019].

Проводилась обязательная перлюстрация писем ссыльных поляков, а содержащиеся там подозрительные сведения отсылались в Третье отделение (тайная полиция). Семьям поляков, отправленным в ссылку из Западных губерний, запрещалось совместное проживание в местах ссылки. Их разделяли

и поселяли на большом удалении друг от друга. Министерство внутренних дел рассылало циркуляры гражданским губернаторам и в полицейские управления губерний о поиске на вверенных в их управление территориях опасных поляков – заграничных эмигрантов из польских эмигрантских центров или беглецов с мест отбывания ссылки. Например, много трудов полицейскими чинами было затрачено на розыск польского эмигранта Игнация Хутковского, направлявшегося в Россию из Нью-Йорка «со злоумышленной целью» [ГАСК. Ф. 82. Оп. 24. Д. 473. Л. 1–17]. После предпринятых поисков, уполномоченные власти рапортовали по инстанциям о полученных результатах.

Имперскими властями проводилась избирательная политика в отношении уроженцев Царства Польского с целью внесения раскола в их среду: сохранялись строгие меры для выходцев с польских провинций и ослаблялись репрессии для уроженцев Литвы, Подолии и Волыни, вошедших в состав России. Уже в 1831 году император Николай I издал циркуляр о прощении нижних чинов бывшей Польской армии, зачисленных на службу в Российскую армию, выходцев с поименованных территорий и разрешения им вернуться на родину после замирения [ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1206. Л. 1].

Отбывшим срок ссылки на Кавказе, если их поведение не нарушало предписаний имперских законов и при положительных отзывах от непосредственного начальства и полиции, разрешалось после запросов в Польшу возвратиться на родину. При неблагоприятном отзыве таких людей отправляли в Сибирь или в назначенные по распоряжению Министерства внутренних дел губернии – Пензенскую, Тамбовскую, Костромскую, Вятскую и Казанскую [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2216. Л. 21–22; Ф. 68. Оп. 1. Д. 6960. Л. 1–1 об].

Ссылные поляки, находившиеся на жительстве или в гражданской службе во внутренних губерниях России, «кои исправились нравственно, показывают несомненное раскаяние и пробыли там не менее двух лет», могли получить дозволение возвратиться на родину не иначе, как после заключения начальников этих губерний, что по своему поведению и образу мыслей они заслуживают такового возвращения, и от этого не будет вредных последствий [ГАСК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1992. Лл. 1–5 об]. О каждом таком случае губернаторы должны были рапортовать в Министерство внутренних дел, хотя воспользовались этой милостью немногие.

Тем, кому посчастливилось возвращаться домой, должны были придерживаться определенных полицейских предписаний. Лицам из привилегированных сословий, которые могли оплатить проезд на родину самостоятельно, выдавались проездные документы (свидетельства), в которых содержалось обязательное требование следовать прямо в пункт назначения, нигде

не останавливаясь во время пути. Кроме того, местным полицейским чинам предписывалось проследить за тем, чтобы отбывшие ссылку лица не могли бы сгруппироваться и расселяться в местностях, пограничных с соседними государствами [ГАСК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6542. Л. 1–1 об].

Таким образом, в 1830–1840-е годы были опробованы полицейские технологии, которые впоследствии (после Январского восстания 1863 года) использовались достаточно эффективно. Однако с 1860-х годов арестованные российскими властями бывшие польские инсургенты теперь по большей части направлялись на каторжные работы и поселение в Сибирь или в губернии русского Севера. Результатом такой политики стало то, что, например, в 1880 году до 75% населения города Иркутска были католиками-поляками, а «образованные польские ссыльные составляли значительную часть сибирской интеллигенции» [Дэвис 2010, 279].

Восстание 1863 года развивалось под лозунгом возвращения полной независимости и возрождении Польского государства в границах 1772 г., «od morza do morza». В начале января скоординировано в нескольких десятках населенных пунктов повстанцы неожиданно для русских подвергли нападению их гарнизоны и попытались их уничтожить. Первые атаки, хотя и с потерями, были отбиты, но среди высших сановников империи господствовало разномыслие по поводу того, какие меры следует предпринять дальше.

Министр внутренних дел П.А. Валуев отмечал, что «мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и её не находим. А одною материальной силой побороть нравственных сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей – ни одной... Нужна идея, которую мог бы усвоить себе хотя бы один поляк» [Валуев 1961, 258–259]. Кроме того, маркграф (margrabia) Александр Велепольский «предлагал целый ряд реформ, более или менее либеральных, главным образом клонившихся к воссозданию национальной независимости в пределах Царства Польского» [Корнилов 2004, 476].

Одобрив в целом предложения маркграфа Велепольского, русское правительство не пожелало мириться с требованиями революционных партий. К тому же истребление революционерами русских солдат в казармах, «подняло много голосов в России против поляков» [Корнилов 2004, 477]. На страницах русской печати произошел взрыв патриотизма, которого мало кто ожидал, что заставило Петербург перейти к более решительным мерам.

На ход событий сильно повлияло то обстоятельство, что глубина противостояния и напряжение сил очень быстро достигли такой степени, что любое проявление гуманности с обеих сторон воспринималось как бессилие или

предательство. Возбуждение умов дошло до такой степени, «что ни военная сила, ни чрезвычайные суды, ни тюрьма, ни ссылка, ни эшафот не в состоянии их обуздать» [Татищев 2006, 356].

Наместник вел. князь Константин Николаевич после рескрипта императора Александра II распорядился в Царстве Польском ввести военное положение. Всех участников восстания объявили мятежниками. Взятых в плен с оружием в руках повелевалось судить на месте преступления военно-полевыми судами с немедленным исполнением приговоров. Повсеместно восстанавливались военно-ссудные комиссии, секвестировалось имущество всех лиц, причастных к восстанию [Широкоград 2008, 295; Татищев 2006, 360]. В августе 1863 года на территории Польши преобразованию подверглась полиция. Были назначены новые полицмейстеры и полицейские приставы из русских офицеров, которым вменялось в обязанность скорейшим образом раскрыть и подавить революционные организации повстанцев. Городскую и земскую полицию переподчинили военным властям. Назначенные в Польшу и Литву генералы Н.В. Берг и М.Н. Муравьев, действовали твердо и с беспощадностью, доходившей до жестокости, за что снискали себе «жгучую ненависть поляков и грозную славу среди западнорусского населения...» [Платонов 1999, 758].

Ситуация ещё более накалилась, когда по многим городам Российской империи, в том числе и в обеих столицах прокатилась волна страшных пожаров. Население впало в панику. Появились и крепи слухи о поджигателях-поляках. Эти слухи сделались особенно устойчивыми и приобрели многих приверженцев после того, как в 1863 году «была обнаружена... программа польского генерала Людовика Мерославского, в которой рекомендовались подобные крайние средства для усиления смуты в России, причем смута признавалась важным подспорьем для успеха польского восстания» [Корнилов 2004, 471].

К марту 1864 года полиции удалось выследить и арестовать руководителей «Народного правительства» (Rząd Narodowy) Людовика Жихлинского и Ромуальда Траугутта [Платонов 1999, 757]. В ходе боев с повстанцами в Польше русская армия потеряла 826 человек убитыми, 2169 человек ранеными и 348 человек пропавшими без вести. Потери польской стороны оценивались русскими военными в 30 тысяч человек. Сотни из них были приговорены к смерти военно-полевыми судами и тысячи сосланы в Сибирь или во внутренние губернии России [Широкоград 2008, 307]. Само название Царства Польского было упразднено и вместо него получило наименование Привислинского края, разделенного на 10 губерний, на которые распространили

действие имперского права. Все сословия потеряли право самоуправления. В городах была введена общерусская администрация. Русский язык стал обязательным не только в делопроизводстве, но и в школах. Были уничтожены все особенности, отличавшие прежде Польшу от других частей империи. Для пресечения контактов с польской эмиграцией затруднялся выезд поляков за границу. Был установлен возрастной ценз – не моложе 25 лет и увеличилась плата за получение заграничного паспорта – сначала до 25 рублей, а затем до 100 рублей [Полиевктов 2017, 145].

Суровость полицейских мер в отношении повстанцев определялась страхом имперских властей перед возможностью распространения духа Польского восстания на другие территории страны. В среде имперских чиновников утвердилось мнение, что революционеры «(...) ищут не блага Польши, а пагубы России» [Татишев 2006, 364]. В Петербурге сильно опасались, что «дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях» [*«Россия под надзором»* 2006, 82], мог оказать вредное влияние на умы внутри государства. К такому восприятию влияния поляков побуждали настроения, имевшие место в молодежной среде российских столиц.

Официальные власти опасались, что ссыльные поляки «могут стать мощным катализатором революционного брожения» [Экштут 2013, 215] в самой России. Тогда считали, что поляки «своими ужасными происками и еще более отвратительными принципами» [Шильдер 2010, 384] могли увлечь за собою массу народа, как они сделали это у себя на родине, поскольку «можно ли поверить, чтобы в польском сердце могло когда-нибудь возникнуть желание видеть Польшу русской» [*История XIX века* 1938, 9].

Кроме того, в ссыльных поляках видели источник распространения ненависти к царскому правительству. И хотя силою оружия были пресечены «учиненные ими беспорядки, но злоба и ненависть таятся в сердцах» польского дворянства и католического духовенства. В полицейских репортажах отмечалось, что «сии два класса не могут забыть и, конечно, долгое время еще не покинут преступной мечты своей освободиться от законного правительства и будут питать к нему злобу» [*«Россия под надзором»* 2006, 88]. Последствия такой «испорченности» и «укоренившиеся пороки нельзя уничтожить иначе, как вырвавши их с корнем» [[Шильдер 2010, 384].

Власти опасались влияния вредных мыслей на либеральные слои российского общества, численность которых заметно возросла, и особенно на молодежь. В Москве полицией было раскрыто общество студентов Московского университета, имевших сношения с польскими уроженцами из состава

квартировавшей в городе пехотной дивизии, «мечтавших ввести в России конституцию» [*Россия под надзором*] 2006, 86]. Жесткими мерами старались нанести разительный удар по умам беспокойным.

Имперские власти ожидали негативной реакции Европы, от которой могла произойти для России «анафема» с интервенцией. В значительной степени эта угроза способствовала тому, что «возбуждение против польского дела явилось тогда, когда начались попытки со стороны европейских держав вступить в это дело с угрозой даже вооруженным вмешательством» [Корнилов 2004, 477]. Уже в апреле 1863 года послы Австрии, Британии и Франции обращались к русскому министру иностранных дел князю А.М. Горчакову с заявлением «на скорое дарование прочного мира польскому народу» [Платонов 1999, 758]. Летом того же года это заявление повторилось уже со стороны многих европейских держав, а Британия и Франция требовали созыва европейской конференции по польскому вопросу. Последовавшая реакция российского общества и перелом общественного настроения, выразившегося в широкой поддержке властей и значительном падении влияния либералов, стала, по мнению С.Ф. Платонова, главной причиной, по которой «европейская дипломатия не повела далее своего вмешательства и предоставила Польшу её участи» [Платонов 1999, 758]. Но головной болью для властей сделалась польская «Великая эмиграция», ставшая «реальным фактом в истории Европы» и активно настраивавшая европейцев против России.

В заключение можно констатировать, что непримиримость и разнонаправленность устремлений сторон – поляков и властной элиты России – не позволяла им надеяться найти приемлемые решения в их историческом споре в рамках имперской парадигмы существования. Компромиссы не могли быть приняты ими из-за абсолютности требований и нежелания поступаться принципами. Патриотизм поляков «во многом представлял собой своеобразную религию» [Дэвис 2010, 298] от которой не отрекаются, свою очередь абсолютистское государство не могло допустить какого-либо противодействия его воле.

Обратной стороной выявленной непримиримости сделались беспощадность в попытках возвращения прежнего национального и государственного величия, желания вернуться в Европу и ответная беспощадность в сохранении status quo в том, что принадлежало и являлось историческим достоянием правящей династии. Обе стороны не умели и не хотели учиться слушать и слышать друг друга.

Кроме того, степень трагичности в усилиях поляков вернуться к условиям и порядкам Речи Посполитой, выросла до бесконечности из-за того, что

прежняя (великая и славная) социально-культурная и политическая система лишилась каких-либо оснований в парадигме координат XIX века [Дерлугьян 2013, 62–69]. Баланс сил, отношения и конфигурация европейской структуры настолько кардинально переменились после Великой французской революции XVIII века и Наполеоновских войн, что польская Великая мечта, обречена была оставаться только мечтой, за которую продолжали платить великую цену.

Библиография

- Cifanova Irina Vladimirovna. 2005. *Pol'skie pereseleny v Kavkazskoj vojne XIX veka*. (online) http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (dostup 25.05.2019) [Цифанова Ирина Владимировна. 2005. *Польские переселенцы в Кавказской войне XIX века*. (online) http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5531 (доступ 25.05.2019)].
- Derlug'yan Grigorij Matveevich. 2013. *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temu*. Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara [Дерлугьян Григорий Матвеевич. 2013. *Как устроен этот мир. Наброски на макросociологические темы*. Москва: Изд-во Института Гайдара].
- Devis Norman. 2010. *Serdce Evropy*. Moskva–Vroclav: Letnij sad; Kollegium Vostochnoj Evropy im. Yana Novaka [Дэвис Норман. 2010. *Сердце Европы*. Москва–Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака].
- Ekshtut Semen Arkad'evich. 2013. *Tyutchev: Tajnyj sovetnik i kamerger*. Moskva: Molodaya gvardiya [Экштут Семен Аркадьевич. 2013. *Тютчев: Тайный советник и камергер*. Москва: Молодая гвардия].
- GAKK. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. F. 252. Op. 1. D. 1992. L. 1–5 ob [ГАКК. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1992. Л. 1–5 об].
- GAKK. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. F. 260. Op. 1. D. 188. L. 34 ob [ГАКК. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Оп. 1. Д. 188. Л. 34 об].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 68. Op. 1. D. 2216. L. 21–22 [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2216. Л. 21–22].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 68. Op. 1. D. 2399. L. 1 [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2399. Л. 1].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 68. Op. 1. D. 2899. L. 1–6 [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2899. Л. 1–6].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 68. Op. 1. D. 6542. L. 1–1 ob. O porjadke vozvrashcheniya i pereseleniya lic v Carstvo Pol'skoe [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6542. Л. 1–1 об. О порядке возвращения и переселения лиц в Царство Польское].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 68. Op. 1. D. 6960. L. 1–1 ob [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 68. Оп. 1. Д. 6960. Л. 1–1 об].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 79. Op. 1. D. 1206. L. 1 [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1206. Л. 1].
- GASK. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. 82. Op. 24. D. 473. L. 1–17 [ГАСК. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 82. Оп. 24. Д. 473. Л. 1–17].
- Horev Viktor Aleksandrovich. 2000. *Rol' pol'skogo vosstaniya 1830 g. v utverzhenii negativnogo obraza Pol'shi v russoj literature*. V: *Polyaki i russkie: vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie*. Sost. Lipatov A.V., Shajtanov I.D. Moskva: «INDRIK»: 100–109 [Хорев Виктор Александрович. 2000. *Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши*

- в русской литературе. В: *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. Сост. Липатов А.В., Шайтанов И.Д. Москва: «ИНДРИК»: 100–109].
- Istoriya XIX veka v 8-i tomah*. 1938. Red. Lavis E. i Rambo A. Per. s fr. V 8 t. T. 3. Moskva: OGIZ [История XIX века в 8-и томах. 1938. Т. 3. Ред. Лавис Э. и Рамбо А. Пер. с фр. Москва: ОГИЗ].
- Klychnikov Yuriy Yur'evich, Lazaryan Sergej Stepanovich. 2019. *Pol'skie insurgenty v ryadah «neprimirimyh» gorcev*. Ryatigorsk: PGU [Клычников Юрий Юрьевич, Лазарян Сергей Степанович. 2019. *Польские инсургенты в рядах «непримиримых» горцев*. Пятигорск: ПГУ].
- Kornilov Aleksandr Aleksandrovich. 2004. *Kurs istorii Rossii XIX veka*. Vstup. st. Levandovskogo A.A. Moskva: Izdatel'stvo Astrel': Izdatel'stvo AST [Корнилов Александр Александрович. 2004. *Курс истории России XIX века*. Вступ. ст. А.А. Левандовского. Москва: Издательство Астрель: Издательство АСТ].
- Medvenskij Nikolaj Ivanovich. 2014. *Zapadnyj Kavkaz v planah pol'skoj diplomatii*. (online) <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/5708>. (dostup 22.04.2019) [Медвенский Николай Иванович. 2014. *Западный Кавказ в планах польской дипломатии*. (online) <https://aheku.net/articles/russian/istoriya-adyigov/5708>]. (доступ 22.04.2019)].
- Mencvel' Andzhej. 2000. *Otnoshenie k Rossii: vzaimoperepletienie ili nasilie? V: Polyaki i russkie: vzaimoponimanie i vzaimoneponimanie*. Moskva: «INDRIK»: 39–51 [Менцвель Анджей. 2000. *Отношение к России: взаимопереплетение или насилие? В: Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. Москва: «ИНДРИК»: 39–51].
- Nikolaj I. Muzh. Otec. Imperator*. 2000. Sost. Azarova N.I. Komment. Azarova N.I. i Gladkova L.V. Moskva: «Slovo/Slovo» [Николай I. Муж. Отец. Император. 2000. Сост. Азарова Н.И. и Гладкова Л.В. Москва: «Слово/Slovo»].
- Olejnikov Dmitriy Ivanovich. 2009. *Benkendorf*. Moskva: Molodaya gvardiya [Олейников Дмитрий Иванович. 2009. *Бенкендорф*. Москва: Молодая гвардия].
- Platonov Sergej Fedorovich. 1999. *Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii*. Sankt-Peterburg: Litera [Платонов Сергей Федорович. 1999. *Полный курс лекций по русской истории*. Санкт-Петербург: Литера].
- Polievktov Mihail Aleksandrovich. 2017. *Nikolaj I. Biografiya i obzor carstvovaniya*. Moskva: Knizhnyj Klub Knigovek [Полиевктов Михаил Александрович. 2017. *Николай I. Биография и обзор царствования*. Москва: Книжный Клуб Книговек].
- «Rossiya pod nadzorom»: *otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov*. 2006. Sost. Sidorova M. i Shcherbakova E. Moskva: «Rossijskij fond kul'tury»; «Rossijskij Arhiv» [«Россия под надзором»: *отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов*. 2006. Сост. Сидорова М. и Щербакова Е. Москва: «Российский фонд культуры»; «Российский Архив»].
- Sabadash Nadezhda Petrovna. 2015. *Pol'skaya tema v russkoj literature Nikolaevskoj epohi (1826–1855 gg.): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva [Сабадаш Надежда Петровна. 2015. *Польская тема в русской литературе Николаевской эпохи (1826–1855 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. Москва].
- Semevskij Mihail Ivanovitz. 1870. *Aleksandr Bestuzhev v Yakutske: Neizdannye pis'ma ego k rodnym*. «Russkij vestnik» №6: 485–524 [Семевский Михаил Иванович. 1870. *Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1929–1829*. «Русский вестник» № 6: 485–524].
- Shil'der Nikolaj Karlovich. 2010. *Nikolaj I. Ego zhizn' i carstvovanie: illyustrirovannaya istoriya*. Moskva: Eksmo [Шильдер Николай Карлович. 2010. *Николай I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история*. Москва: Эксмо].
- Shirokorad Aleksandr Borisovich. 2008. *Pol'sha. Neprimirimoe sosedstvo*. Moskva: Veche [Широкоград Александр Борисович. 2008. *Польша. Непримируемое соседство*. Москва: Вече].

- Smit Fridrih. 1863. *Istoriya Pol'skogo vosstaniya i vojny 1830 i 1831 godov*. Per. s nem. gvardii shtabs-kapitana Kvitnickogo. T. 1. Sankt-Peterburg: Tip. V. Sviridova [Смит Фридрих. 1863. *История Польского восстания и войны 1830 и 1831 годов*. Пер. с нем. гвардии штабс-капитана Квитницкого. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. В. Свиридова].
- Tatishchev Sergej Spiridonovich. 2006. *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie*. Moskva: AST: Tranzitkniga [Татищев Сергей Спиридонович. 2006. *Император Александр II. Его жизнь и царствование*. Москва: АСТ: Транзиткнига].
- Valuev Petr Aleksandrovich. 1961. *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennih del: v 2-h tomah*. T. 1: 1861–1864. Moskva: Izd-vo AN SSSR [Валуев Петр Александрович. 1961. *Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2-х томах*. Т. 1: 1861–1864. Москва: Изд-во АН СССР].
- Voroncov Sergej Alekseevich. 2006. *Specsluzhby Rossii*. Rostov-na-Donu: Feniks [Воронцов Сергей Алексеевич. 2006. *Спецслужбы России*. Ростов-на-Дону: Феникс].

Summary

Some repressive measures by the authorities of the Russian Empire regarding the natives of the Kingdom of Poland after the November 1830 and the January 1863 uprisings

The Russian authorities used repressive measures against the Poles, who were active participants in the November 1830 and January 1863 uprisings. These measures included arrest and expulsion to the inner provinces of the Russian Empire under the supervision of the police without the right to return to their homeland; the inclusion in military garrisons stationed in various parts of the empire; the direction to serve in the troops in the Caucasus, where military operations were conducted against the local highlanders and expulsion to hard labour and settlement in Siberia or in the internal provinces of Russia.

The severity of repressive measures was determined by the fact that, in the exiled Poles, they saw a source of hatred spreading towards the tsarist government. The authorities feared the influence of their thoughts on the liberal strata of Russian society, especially on young people. With such measures, they tried to suppress the restless minds. The imperial authorities also feared the reaction of Europe, which threatened Russia with “anathema” and intervention.

Keywords: Russian Empire, Poles, uprising, repression, penal servitude

